

СЕРО НИКОЛАЕВИЧ ХАНЗАДЯН

АНДРАНИК

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ПЕРЕВОД С АРМЯНСКОГО
Ш. Б. АМИРХАНЯН

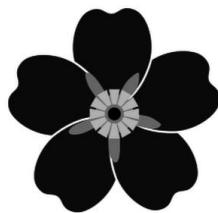
ЕРЕВАН

АРМАН
2015

УДК 821.19-31 Ханзадян
ББК 84 (5Ар) - 44
Х 190

Издана по государственному заказу

*Посвящается 100 - летию
Армянского геноцида*

*Նվիրվում է Հայոց ցեղասպանության
100 -րդ տարելիցիան*

Ханзадян С.
Х 190   Андраник: Исторический роман / С. Ханзадян.- Ер.:
Армав, 2015.- 596 с.

УДК 821.19-31 Ханзадян
ББК 84 (5Ар) - 44

ISBN 978-9939-863-11-5

© Аарат Ханзадян, 2015
© Шогик Амирханян, (пер.), 2015
© Армав, 2015

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

"Любовь к ближнему есть источник всяких духовных и телесных благ".

Взяв себе в качестве девиза сие изречение, я дерзнул написать эту книгу.

Крик целого народа, принявшего мученическую смерть, звенит в моих отяжелевших ушах, неустанно стучится в двери моей души.

Вновь и вновь мое сердце обливается кровью, вновь обнажаются старые раны моих страданий!

Эта книга - порождение великой боли! Прочитайте ее и опомнитесь, люди!

Быть может, она поможет вам предотвратить беду, нависшую и над вашими головами, чтобы не пришлось "противостоять ей, когда она уже постучалась к вам в дверь".

Я завершил этот труд, не поддавшись лени, не допуская каких-либо случайных промахов и умышленных ошибок.

- Внемли гласу моему!

От автора

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Андраник Озанян спешно вышел из вагона, не замечая ничего и никого вокруг. Военная форма на нем сидела ладно, ремень был затянут. Его широкое, гладко выбритое лицо выдавало полную решимость, какая бывает у путника, прибывшего издалека с важной целью.

Солнце скатывалось к горе Масис, волоча за собой колышущиеся слои жаркого воздуха Арагатской долины.

Ереванский вокзал закипел сразу. В лицо ударила густая смесь запахов машинного масла, лошадиного и человеческого пота.

Кто-то приблизился к нему и зашагал рядом.

- Меня зовут Левон, зоравар¹. Я племянник Аршавира Меликяна. Карета ждет вас.

Вспыхнуло пламя воспоминаний, затрещало рьяно, и помчался огонь опалять крест двуглавого орла, восседающего на шпиле железнодорожного вокзала.

Его сына, его единственного ребенка, также звали Левоном. Казалось, уже давно высох родник памяти. И тут хлынул мощный поток. Сына назвали Левоном. Когда это было?! Ах да, тридцать лет назад! Сестра, которая была старше него, тогда сказала радостно: "Андраник, у тебя сын родился!"

Через месяц умерла его жена - погасла, как мерцающая свеча: она только повернула лицо к сыну: "Левон, манч²... Я умираю. Бедный мой, несчастный мой сиротинушка" Ветер смерти ворвался в дом, задул и другую свечу - слабое дыхание Левона. Сестра прочитала: "Померкли глаза наши!"

Он остался без света, без огня. И доныне...

Жена виновато всхлипнула сквозь стон: "Андраник, прости что умираю! Ты теперь как птица со сломанным крылом. Прости..." А сын, Левон, протянул ей дрожащую ручонку. Протянул, уповая на него... и угас.

Спустя годы, когда он пришел поклониться могиле жены и сына, увидел миндальное дерево, которое выросло прямо на могиле. И хотя стояли весенние дни, ни одного цветка на дереве не было...

Он отправился в Сасун. Остановился у знакомого курда.

- Идешь воевать? - спросил курд.

---

¹ Полководец.

² Сынок, малыш.

- Воевать!
- До каких же пор?
- До той поры, пока не зацветет мое миндальное дерево...
Через несколько лет они встретились вновь.
- Мы, курды, любим тебя, Андраник паша³!
- Э, лао⁴! - сказал он, - это не в счет. Вы нас, армян, полюбите!
- Как вас не любить, брат? Мы, курды, знаем: на этой земле вы древние!

Новопришедший - турок.

- Но, вы, курды, не хотите ваших волов запрячь в нашу телегу.
- Мы, курды, не стоим перед опасностью исчезновения! - ответил курд.
- Ступай с миром...

На вокзале и смежной с ним вонючей площади началось столпотворение. Люди, спешащие к только что прибывшему поезду, толкаясь и наступая друг другу на ноги, толпами потянулись к знаменитому полководцу. Андраник с трудом пробился сквозь вспотевшую стену очарованной им, шумной и галдящей толпы.

Он бросил беглый взгляд на племянника своего давнишнего друга: это был тонкий, высокий юноша в форме студента Императорского университета, с редкими усиками над верхней губой.

Скользнул также взглядом по фигуре совсем еще молодого офицера, идущего рядом с ним.

- Это мой товарищ, зоравар, - представил друга Левон, - поручик Хачатур Малинцян, офицер ереванского гарнизона, порой бывает несдержан в выражении своих чувств.

- Нужно уметь обуздывать свои чувства! - сказал он в сердцах.

Поручик побежал к карете и встал навытяжку, пока Андраник усаживался на скрипучее сидение повозки.

Дом Аршавира Меликяна находился в каменной духоте старой части Еревана, возле крепости. Экипаж въехал в тесный двор.

Аршавир Меликян подошел и без энтузиазма, даже как-то вяло пожал Андранику руку.

- Вовремя прибыл. Тебя ждем.

На балконе показалось юное создание - застенчивая лань. Неужели это я ее напугал?

...Год назад он вновь пошел навестить могилу жены и сына. Миндальное дерево пышно разрослось, но... не цветет. Не плодоносит. Нет, не плодоносит! Горько стало на душе, и он громко сказал:

- Закрой окно, Левон!

Сел, закурил. Лицо его приняло суровый вид.

На улице запели:

---

³ Почётный титул высших военных и гражданских сановников; лицо, носившее этот титул.

⁴ Сынок.

- Вставай, брат! Вот тебе сабля, вот и конь!

Мчись ты в бой! К оружию! Вперед! Вле-е-ред...

А почему? Ах, да! Война же! Страх вновь оживил эту уже забытую песню.

Из Болгарии он морем прибыл в Батум⁵, затем поездом в Тифлис.

События последних двух месяцев потрясли мир, однако для Андраника они были желанными. Вот и прибыл, чтобы с головой окунуться в большую войну, вспыхнувшую в Европе.

Доктора Акопа Заваряна он встретил прямо в день приезда.

- Мы намерены создать армянские добровольческие части, Андраник! - сказал доктор воодушевленно. - Обратились к царскому наместнику на Кавказе, ждем благоприятного ответа, во всяком случае, думаем, отказа не будет.

Сам он спросил:

- А от чьего имени вы обратились к наместнику?

- От имени Армянского Национального Бюро. Я и предводитель тифлисских армян, епископ Месроп, дважды были у наместника. Уже прибыли Сепух, Смбат из Муша и Никол из Карса.

Национальное Бюро, при поддержке русских властей, занимается армянским вопросом.

Идет война, и Турция тоже вот-вот нападет на Россию. Бюро взяло на себя функцию создания добровольческих частей.

Доктор Заварян сообщил, что ему, Андранику, будет вверен целый полк.

Тифлисское армянство ликовало.

Где сейчас его соратник Мурад Себастьяний? Его он встретил в 1895 году в Тароне⁶. С ним тогда был и Мигран Таматян. Они поднялись в Сасунские горы. Наверное, теперь и Мурад спешит вступить в одну из этих добровольческих групп.

Вспомнил себя в фидаинском одеянии. Он носил семислойный тюрбан. Говорят, такой же головной убор в свое время носил армянский царь Гагик Багратуни. Его барельефный портрет он видел на камнях Ани⁷.

Кисти тюрбана свисали ему на плечи. Тогда он надевал черную рубашку с белыми пуговицами, ворот которой плотно охватывал шею. Патронташ он не накидывал через плечо, как это делал их атаман Ахпюр Сероб, а четырежды обматывал вокруг пояса. Края широких шаровар заправлялись в сапоги с высокими голенищами, которые всегда блестели.

Сейчас на нем форменная одежда болгарского офицера, но без погон. Ее он получил в Варне, когда был руководителем подразделения армянских добровольцев - воеводой.

---

5 Батуми.

6 Тарон (у греко-римских авторов Таронитида) - гавар и одновременно историческая область Великой Армении, входившая в состав провинции Туруберан, к западу от озера Ван. Главный город - Муш.

7 С 961 по 1045 год город Ани был столицей Армянского царства.

Он так и не вспомнил настоящее имя гайдука Кайцака⁸. Куда девался этот храбрый воин с густыми бровями и длинными заостренными усами? Его самый близкий друг, фидаи Пето, носил на голове точно такой же тюрбан; у него было широкое лицо, голову он держал немного набок. Патронташ был перекинут через плечи крест-накрест.

- Ах! Пето, где ты сейчас?! И ты появился, Абро! Носил прекрасную бороду, а пулью мог провести через игольное ушко. Удивительным образом был похож на Татула, как будто они были от одной матери! Их обоих он встретил в девятом году. Татул сказал: "Османская революция, я думаю, нам на пользу!"

Вспомнив эти слова, Андраник горько усмехнулся: "Э-э-э, нет, Татул, ошибаешься! После свержения Абдул Гамида многие из наших армянских вождей потеряли разум: они, как покорные овцы, пошли за волками "Иттихада"⁹, не замечая их клыков. Нет! Заблуждаются те, кто говорит, что армянам оружие не нужно. Еще как нужно! Если бы наши так называемые вожди не слушали Мехмеда Талеата, Ахмеда, Энвера - этих "иттихадовых" шакалов, то армянин не сложил бы оружие, не было бы и резни в Адане. Нет, не было бы! Тридцать тысяч армян были зарезаны в Адане! Однако, увы, даже эта кровь не смогла протрезвить армянского бога. Опомнись, опомнись, армянин!!! Опомнись! Перестань питаться иллюзиями! Иллюзия слепит твои глаза, армянин, ослабляет силу рук твоих. Смотри на вещи трезво, армянин!!!

"Паруйр¹⁰, немедленно идите в Джраберд. Твое присутствие там необходимо!" - эту телеграмму он получил два месяца назад в Болгарии.

Опустил свой плотничий топор, снял свой весь в опилках фартук, поцеловал порог избы.

- Ухожу, - сказал он сестре.
- Снова в бой?!
- Иду. Народ зовет!
- Доброго тебе пути! - перекрестилась сестра. - Моего Ерванда тоже забери с собой. Забери, забери!!

В Тифлисе он встретил своих старых соратников. Они вспомнили давнишних друзей, былые сражения в Тароне, в Сасуне, бои при монастыре Аракелоц. Когда он собирался выехать в Ереван, ему сообщили, что добровольцев отправляют в Джугу, где они получат оружие.

Всего одну неделю пребывал он в городе, прижатом к узким берегам Куры. Вместе с Католикосом всех армян они нанесли визит наместнику царя на Кавказе. Их сопровождал старый генерал Товмас Назарбекян.

Наместник, ступая по коврам приемной мягкой кошачьей поступью, торжественно подошел к ним.

- Я безмерно счастлив видеть вас, мои любимые армяне! - поприветствовал он

---

8 "кайцак" - (с арм.) "молния"

9 "Единение и прогресс" - турецкая политическая партия.

10 Паруйр - тайный псевдоним Андраника

гостей и пригласил их сесть. - Мы намерены создать Армянские добровольческие полки. Помогите по внушению Божию, чтобы армяне, подданные Его Величества Императора всея Руси, по зову сердца приняли участие в этой войне - ради спасения своих измученных братьев в Западной Армении.

Андраник выпустил из ноздрей табачный дым.

- Значит так, Аршавир, на Кавказе создаем армянские добровольческие полки, армянское войско! Доволен?

Он знал: Меликян - человек непосредственный. С их первой же встречи он почувствовал, что имеет дело с честной и безупречной личностью. Дело было в Швейцарии, одиннадцать лет назад. Ему представили молодого студента. Он подошел и уверенно протянул руку:

- Я горжусь вами, Андраник паша!

У него были высокий лоб, черные волосы, короткие, густые усы.

- Я родился в Вайоц-Дзоре. Учился в Харьковском университете, но меня оттуда выгнали.

- За что?

Меликян весело засмеялся:

- За мои революционные взгляды, за организацию студенческих демонстраций.

Вот я и приехал сюда продолжить учебу, если, конечно, удастся.

Встречались они почти каждый день. Андраник еще тогда заметил, что Меликян очень щепетилен и в своих убеждениях бескомпромиссен. Однажды он сказал:

- Раскаты Гум-Гапу¹¹ до сих пор звучат в моих ушах, паша, но результат не виден.

Гум-Гапу, еще один новый мятеж армян в Полисе. Султан подавил и эту вспышку. Двадцать семь человек тогда были подняты на виселицу, из которых только двое были другой нации - греками. Но еще не отремели раскаты.

Левон принес еду и вино. Своего дядю он называл отцом. Андраник вспомнил сказанные как-то слова Меликяна: "Сын моей сестры, Левон, - мой приемный сын: когда он был еще в пеленках, двое мулл убили его отца и мать в Нахиджеване. В то время я учился в Ереванской гимназии. Левона мы привезли к нам. Мой Левон хороший, паша!"

Воспоминания вспыхнули с новой силой... Был 1912 год. Его отряд добровольцев в составе болгарских войск сражался против турецкой армии. Это были легендарные времена! Преследуя турок, уперлись в гору Узун- Гамид, расположенную недалеко от моря. На вершине горы была крепость, внутри которой прятался противник. Армянские добровольцы ночью бесшумно убрали караульных и открыли ворота крепости. Турки в замешательстве подняли белый флаг. Паша Мехмед Явер Ходжалы яростно посмотрел на взявшего его в плен Андраника.

11 В июле 1890 года в Константинополе, в части города, называвшейся Гум-Гапу (здесь находилось Армянское патриаршество), состоялась манифестация армян, протестовавших против политики сultанского правительства. Манифестацию организовали деятели партии Гничак. Демонстрация была разогнана полицией, вследствие столкновения имелись жертвы.

- Да, наши караульные спали, - весь съежившись, сказал турок. - Но знай, армянин: если сторож-турок спит, то бодрствует дипломат-турок! Турецкий солдат может проиграть войну, турецкий дипломат - никогда! - Запомни мои слова!

Это звучало устрашающе, и каждый раз, вспоминая слова турецкого паши, он вздрогивает. Балканская война закончилась весной 1913 года. Сбылось карканье Явер-паша: турецкое войско потерпело поражение, Турция - нет!

Стемнело. Тьма, казалось, прямо со снежных вершин Масиса начала расстилаться по земле Армянской. Наступила зловещая тьма.

Аршавир Меликян, вытянувшись по стойке смирино, как каменное изваяние, сказал сломленным голосом:

- Турция объявила войну России!

Андраник и бровью не повел. Он ждал этого. Не сомневался, что Турция объединится с Германией против России.

На балконе что-то упало, зазвенело, издавая жестяной звук. Меликян повернул голову в сторону соседней комнаты:

- Ты уже уходишь, Циацан, dochь моя? Уже?

Андраник обернулся, чтобы посмотреть, кто там.

Меликян взволнованно говорил еще что-то, бессвязно, в каком-то замешательстве (так обычно провожают родного человека), с тревогой в голосе.

Девушка была совсем юная, темноволосая, одетая в строгий костюм гимназистки. Она обняла Меликяна. Из соседней комнаты вышел Левон, на ходу застегивая блестящие пуговицы куртки из грубой холстины. Меликян, взяв девушку за плечи, подвел ее к Андранику:

- Это Циацан! Ну, в общем, она из Карин-Эрзерума, не девушка, а сноп огня! Неужели не видно?! Она с моим Левоном учится в Московском университете. Вдвоем приехали неделю назад. Война...

Циацан подошла и неожиданно поцеловала руку Андранику, прежде чем он успел отнять ее. Он избегал общения с женщинами. Но сейчас ему показалось, будто руку помазали мирром. Девушка говорила что-то. Андраник только улавливал ее звонкий юный голос, который, казалось, рассекал окаменевший небосвод армянской судьбы. Он заметил, что сила этой девушки, быть может, ее единственная опора, таилась в ее величественном достоинстве.

"Началось, началось!" - повторяла Циацан.

Да, началась большая, чудовищная война, которая охватила почти весь земной шар. Как из нее выйдет армянский народ? Этот вопрос угрожающе повис в воздухе.

Андраник насторожился и как-то слишком напрягся. И вопрос, и ответ слились воедино и растворились во мраке. Отчего плачет гимназистка Циацан? Почему погас блеск ее очей? Лица у всех троих подернуты дымкой тревоги. Голос у девушки был спокойный, манеры поведения - интеллигентные. Когда она начинала говорить, то как-то смягчалась, словно стеснялась проявлений своей благовоспитанности. Извиняющимся голосом она сказала: "Я должна срочно отправиться домой, в Эрзерум! Война..."

Вздернув красивый носик, Циацан проглотила слезы. В ее облике читалась какая-то жесткая непреклонность, смешанная с отталкивающей суровостью.

Левон пристроил на свою густую шевелюру студенческую фуражку с красной кокардой и взял в руки маленький черный чемодан девушки. Циацан спешно поцеловала обросшее лицо дяди своего друга:

- Простите, что так получилось, я должна уехать. Мне кажется, что наша земля полностью осиротела.

Она побежала вниз. Ее длинные волосы всколыхнулись на спине и, словно черные змеи, обвили ее прекрасный стан. Левон последовал за ней. Циацан скользнула в узкую щель ворот и смешалась с уличной толпой. И дом лишился ласки и тепла...

- Сиротка, сиротка... - то ли это шум толпы, то ли зловещее пророчество завтрашнего дня. - Сиротка, сиротка...

Андраник вынул из кармана мятую газету, где крупными буквами был напечатан призыв наместника Кавказа к армянскому народу. "Армения раздроблена, мала, а буквы вон какие большие! - усмехнулся он. - Но до чего красивы армянские буквы, словно у них есть душа".

"Турция напала на Россию, - пишет наместник, - мы с оружием в руках встаем на защиту страны, которая с незапамятных времен является колыбелью армянского народа. Единовластный Государь всея Руси обеспечивает создание автономной Армении в рамках границ шести вилайетов".

Андраник швырнул газету в сторону: "Возмутительно! Не умеют хитрить наши умники. Зачем кричать: "шесть вилайетов, автономия, самоуправление!" Война только началась. А Бог войны в день семь жен меняет.

Он стал ходить взад-вперед по веранде, изнуренные половицы скорбно затрещали.

Город шумно ликовал. Казалось, этот народ живет, опережая сам себя. Не следует этого делать, такое преждевременное ликование опасно. Понятное дело, что враг не дремлет! Он усмехнулся: "Сын еще не родился, а его уже назвали Аревшатом"¹².

И цель его войны, и его мечта - создать автономную, возможно, даже независимую, единую Армению. Но не кричите об этом, люди, не нужно! Волк пожирает телят, идущих впереди матери.

В душе у него застыла глубокая, неистребимая тревога:

- Что сулит день грядущий его многострадальному народу, его раздробленной Родине?

***

Через два дня Андраник получил телеграмму из Тифлиса: "Мурад Себастаци едет, он уже с двенадцатью товарищами доехал до Батума". К надежде

---

12 армянская пословица.

прибавляются силы. Мурад - его друг-фидай! Он даже в самые тяжелые минуты не забывал об уходе за своими длинными черными усами. Грайр Джохк подтрунивал над ним: "Все свои цели ты утопил в усах, Мурад".

Сам Грайр всегда был чисто выбрит; лицо у него немного длинноватое, лоб высокий. Мурад на него не обижался - только смеялся!

***

Ереван резко скинул с себя изнывающую от жары лень. До поздней ночи люди не уходили с улиц, из винных лавок, клубов. Каждый смотрел в рот собеседнику в ожидании новостей.

Вот уже седьмой день, как Андраник Озанян находился в Ереване.

Как-то на рассвете Левон отправился на вокзал, откуда вернулся воодушевленный. Начал шуметь уже на веранде:

- Я ребят привел, зоравар!

Андраник давно проснулся и уже был одет.

- Опять не спал, - с болью подумал его племянник Ерванд и робко подошел к нему. Вместе с ним, вытянувшись по-военному, встали Овнан из Зейтуна и Барунак из Себастии, или просто Баре. Все трое были в форме болгарских солдат. Андраник, который был со всеми знаком, встретил их неласково. Левон удивился: мог хотя бы родного племянника поцеловать. Но тут же сообразил: это непозволительно, война ведь.

Надо же, еще вчера Баре и Овнан были юными фидаи, а теперь - настоящие мужчины. Андраник приветливо кивнул им:

- Ну, ласточки мои, добро пожаловать! Небось проголодались?

Левон побежал на кухню готовить еду.

Баре радостно сказал:

- Многие хотят приехать, паша, ждут твоего призыва. Как только народ услышит твой клич - повалит толпами.

Предрассветный луч заиграл на бутылке коньяка и вспыхнул красновато-зеленымиискрами огня без дыма.

Начиная с этого дня, в Ереван стали прибывать армянские добровольцы.

Город заполонило множество русских и армянских офицеров, кто при оружии, кто без него. На рынках и в низеньких, зловонных, переполненных гостиницах стояли шум и возня.

- Мест нет, господа офицеры! - кричали хозяева гостиниц. - Нету! Бог тому свидетель!

В церквях продлили вечерние службы. После ужина служители церкви пели, икая: "Боже, царя храни!.."

В десять раз поднялась в цене фотография русского царя. Задыхающиеся от пыли рынки завалены нелепыми портретами Тиграна Великого¹³, Вардана Мамиконаяна¹⁴, Хrimяна Айрика¹⁵, на которых еще не успела высохнуть масляная

13 Царь Армении из династии Арташесидов, правивший в 95-56 гг. до Р. Х.

краска.

Центр одной из губерний огромной Российской империи, город Ереван, десять раз на дню терял и обретал веру: люди не знали, во что им верить. Сегодня распространялась весть, что он, Его Величество Царь Всея Руси, едет в Карс, назавтра - что не едет. Те, кто верил слухам, сложив свои липкие от мазута, жира или вина пальцы в щепоть, осеняли себя крестным знамением, кто не верил - ухмылялся: "Ага! держите карман шире".

Армянские и русские офицеры Ереванского гарнизона напивались до бульканья в животе.

- Нет, нет, господа! - орал офицер (ремень у него сдвинут набекренъ, а шапку где-то поселял). - На кой черт сдалась батюшке-царю ваша Армения? Он приезжает, чтобы поцеловать розовые колени супруги своего наместника.

Поручик Хачатур, который совсем не пил, схватил за ворот одного из них:

- Хватит гавкать, как сорвавшийся с цепи кобель!

Ерванд опешил:

- Неужели царь-батюшка действительно целует женские колени? Мать честная!

Хорошо, что Овнан и Баре-Барунак не услышали, какую напраслину тут возводят. Они оба фидаины по убеждению, считают, что нужно подальше держаться от женщин. Конечно, этот пьяный офицер треплет языком насчет того, что царь целует ноги бабам. Фу, противно!

Но тут же подумал:

- Интересно, какой вкус у женского колена.

Плюнул, как будто ощущил гадкий вкус во рту.

Осенние деньки захмелели, стали безрассудными.

На рынке самым бессовестным образом натуральное вино разбавляли водой, поднимая цену день ото дня.

- Дорого? - вопил хозяин вина. - Дорого - не пей, ослиное отродье!

***

Узкая уочка сразу оживилась. Андраник появился в карете, запряженной двумя лошадьми. Неделю назад он уехал в Тифлис, а сейчас вот возвращается.

В доме все переполошились:

- Зоравар вернулся! Вот он, уже поднимается по ступенькам лестнице.

Не только Ерванд, но и Баре с Овнаном живут с Андраником в доме у Меликяна.

Андраник еще издали заметил Баре, с нетерпением ожидавшего его. Он не помнит его фамилии, да и сам Баре, наверное, ее уже забыл.

Четырнадцать лет назад этот парень приехал в Сасун, примкнул к его группе. Он

---

14 Армянский полководец, князь, национальный герой, предводитель восстания армян против иранских Сасанидов.

15 Армянский религиозный и общественный деятель, Католикос всех армян в 1892-1907 гг.

был еще молод, неотесан, но вместе с тем имел непоколебимую волю.

- Я Баре! - сказал юноша нарочито вызывающим тоном. - Так меня называют с пеленок, - залился он смехом, обнажив свои белые зубы.

Андраник поднялся наверх, приветствуя всех движением руки.

Тут же накрыли чайный стол. Андраник в подробностях вспоминал этот свой визит к царскому наместнику Воронцову-Дашкову.

...Остановился перед тяжелой дубовой дверью, замешкался: надежна ли дверь, которую он собирается открыть. Его смуглое лицо вспотело. Армяне Сасуна, Муша, Ерзника сейчас в панике, нуждаются в поддержке. Наверное, впервые в жизни Андраник вспомнил о боге:

- Господи, помоги моему несчастному народу!

Решительными шагами вошел внутрь. Только одним кивком он поприветствовал наместника царя. Некоторые из присутствующих здесь генералов сочли это вульгарностью, другие - наглостью, при чем со стороны какого-то армянского атамана-гайдука. Наместник, однако, улыбнулся, пригласил его сесть за стол напротив себя. Он сел, положив руки на колени, внимательно выслушал наместника, лишь одним-двумя словами отвечая на заданные им вопросы. Подали кофе. Андраник, сделав глоток этой горечи, свернулся сигарету и глубоко затянулся.

Голос наместника звучал сухо в этой сгущенной кофейным перегаром тишине:

- Значит, так, мы сформировали несколько воинских подразделений из армянских добровольцев. Не угодно ли вам, господин атаман, принять на себя командование одним из этих полков, скажем, первым?

- Готов! - из-за клубов дыма ответил Андраник. Затем, почувствовав, что просто так данный ответ не выражает в полной мере сущность всего того, что накопилось в его душе, торжественно и благовоспитанно встал, вытянулся:

- Я счастлив, что волею Вашего сиятельства получаю подобное предложение от имени Всемилостивейшего Императора Государя, Самодержца всея Руси!

Такое неожиданное проявление благородства с его стороны: статная осанка, неподдельная искренность и интеллигентные манеры, заставило генералов сразу же изменить сложившееся о нем мнение.

Нет, этот человек вовсе не тот полудикарь, как им показалось вначале!

- Ваше доверие меня обязывает, Ваша светлость, - благосклонно смотря на наместника, продолжил Андраник. - За это доверие, повторяю, я обязан Еgo Величеству Всемилостивейшему Императору Государю, Самодержцу всея Руси и лично вашему вдохновляющему благоговению. Нападение Османской империи на Россию в равной степени означает также нападение на Армению и на армянский народ. Османская империя сломала себе хребет в тот день, когда бросилась обретая имперской Германии.

Генералы уже слушали его с изумленным уважением. Наместник, испытывая чувство удовлетворения от того, что подал руку благожелателю, тоже встал с места:

- Война России против своих врагов - это одновременно война и за Западную

Армению.

- Я уверен в победе! Русская армия - несокрушимый богатырь, - сказал Андраник, указав рукой в сторону генералов. - Ее полководцам ни разу не пришлось и никогда не придется вкусить горечь поражений. Иди на войну вместе с вами, господа генералы, - это большая честь для меня!

Андраник вовсе не чувствовал себя униженным. Он говорил сущую правду, и она исходила не только от него, но и от всего армянского народа, который сегодня, как никогда раньше, оказался под угрозой уничтожения. Он заметил, что полностью завоевал симпатии генералов. А это ему сейчас, как воздух, необходимо. Что он? Всего лишь соломинка в стогу сена. Это нужно армянскому народу.

Царский наместник, довольный тем, что понял этого легендарного армянина, улыбнулся:

- Как вы считаете, атаман, где бы пожелали принять ваше подразделение добровольцев?

- Для меня ваше решение равносильно приказу, - ответил Андраник. - Каким бы ни было это решение - оно будет принято неукоснительно и без возражений.

- Превосходно! - сказал наместник, пристально посмотрев на него и вскинув руки, словно для восхваления Господа, и обратился к генералам:

- Что скажете, друзья мои?

Генералы слегка кивнули, звеня блестящими шпорами ботфортов:

- Ваше Сиятельство...

Наместник обнял Андраника Озаняна за плечи. Многочисленные ордена, кресты и медали, висевшие на его груди, зазвенели.

- Поздравляю! Я рад, господин атаман, наши генералы побеседуют с вами, введут вас в курс дела. Я нижайше прошу вас, атаман, задействовать ваш высокий авторитет и использовать ваше влияние на ваш народ с тем, чтобы наши российские армяне совместно с армянами, проживающими по ту сторону границы, были готовы оказать нам всяческую поддержку. А теперь я буду польщен, если вы окажете честь составить мне компанию, согласившись принять приглашение моей супруги на чашку кофе.

Андраник крепко пожал руку наместнику, приподнял саблю и зашагал рядом с ним.

***

Поблагодарив наместника и его супругу за гостеприимство, Андраник в сопровождении молодого полковника отправился на военный совет. Приглашены были также командиры других армянских добровольческих полков. Сабля одного из них, оправленная серебром, едва доходила до колен. Андраник резко посмотрел на него и узнал: это был полковник Амазасп Срванцян - крепкий и подтянутый, в коротком мундире с черным бархатным воротником, который в сочетании с белой кудрявой высокой папахой придавал ему величавый вид. Его черные усы выглядели как бахрома на воротнике. А этот - его друг Аршак Гафафян, которого весь народ

называл Кери¹⁶. Андраник прежде всего поприветствовал его. Кери - почтенным фидаи, гайдук, как говорится, пуповину ему перевязали ружейным ремнем. Какие кудри были у него лет двадцать пять назад! Сейчас на его голове осталась лишь пара испуганных волос, будто побрили наголо. Шея у него как-то скривилась. Но душой и пути своей жизни не кривит.

Кери обнял его.

- И снова в бой, паша?!

- Только так, ла'о¹⁷! - сказал Андраник. - Только в бой!.. А вот и ты, Вардан, ла'о! Только так! Ты тоже приглашен, Дро, Драстамат? Я рад, я рад! Пробил час!

Настоящее имя командира Вардана - Саркис Меграбян. Он стоял в застегнутом на все пуговицы мундире, на котором еще остался запах горячего утюга. Его курчавая папаха была в черно-белую полоску. Взгляд его выражал какое-то самодовольное спокойствие, которое также подчеркивали закрученные концами вверх усы.

Андраник резко посмотрел на своих соратников.

- Ну, что, орлы, братья? Снова на Голгофу?!

На карте, напоминающей белую сетчатую скатерть с черными пятнами и линиями, были отмечены направления военных действий - по правую сторону от западных гор Персии, по территории всей Армении. Армения была в черной клетке. Стрелки, пересекаясь друг с другом, тянулись и растворялись в синеве Черного моря. Оседлав вот эти стрелки, должны будут действовать армянские добровольческие полки.

Генерал Мышляевский дал довольно-таки весомые обещания армянским полководцам. Андранику Озаняну не внушали никакого доверия эти раздутые радужные обещания: он не верил в легенду о создании автономной Армении из шести вилайетов. Однако подумал: плох тот паломник, который не дает Богу обещаний!

***

Теперь, когда он уже приехал в Ереван, его вдохновляло лишь одно: завтра-послезавтра у него будет воинское подразделение, и он пойдет на фронт.

Ребята один за другим задавали ему вопросы, но его ответы не вызывали у Аршавира Меликяна никаких признаков заинтересованности.

Андраника удивляло его такое безразличное поведение.

Наконец Меликян, потирая свой широкий высокий лоб, сказал:

- А знаешь, Андраник, я не совсем согласен с идеей создания добровольческих полков. Хочешь - высмеивай меня, хочешь - упрекай, но я так считаю. Наместник царя нам, армянам, обещает золотые горы, премьер-министр Франции - тоже, британская императрица в свою очередь. Знаю, знаю! Я давно уже испил эту горечь!

---

16 (с арм.) - дядя.

17 малыш.

Я хочу, чтобы ты знал одно, Андраник. Не нужно верить пустым обещаниям дипломатов. Я уверен: завтра-послезавтра они циничным образом откажутся от данных нам сегодня обещаний. Боюсь, что добровольческое движение повлечет за собой тяжелые, очень тяжелые последствия для армянского народа.

- Но как нам быть?! - почти заорал Андраник. - Что нам делать? Отвечай! Легко рассуждать, ты выход ищи, выход...

- Пусть хотя бы шумиху не поднимают, - сказал Меликян. - Повсеместно устраивают демонстрации: "Дайте нам оружие! Возьмите добровольцем!" и тому подобное. Кому нужна эта шумиха?

В этом вопросе Андраник был солидарен с ним.

Национальное Бюро обратилось к царскому наместнику с просьбой освободить из Сибири армянских политзаключенных и отправить их на Кавказ для формирования добровольческих полков. Наместник дал свое согласие.

Предвоенное настроение охватило народ.

***

По поручению Андраника Левон каждый день отправлялся на вокзальный телеграф - узнавать новости дня. Меликян дни, а иногда и ночи, напролет проводил в типографии своей газеты "Хоск¹⁸" или же в гимназии Гаянян, где он преподавал.

Однажды Левон вернулся с вокзала очень воодушевленный. Андраник вопросительно посмотрел на него. Левон кашлянул в ладонь:

- В Джугу прибыли 1100 добровольцев. Командир Сепух для них уже получил необходимое количество оружия и ждет тебя.

В голове у Андраника прозвенели фанфары: "Начинается! Начинается!.."

Вечером Аршавир Меликян сказал таким тоном, как будто рассказывает сказку:

- Знаешь, брат мой Андраник, что Левон - моя кровинушка, единственный сын моей сестры - царство ей небесное?! Знаешь, что Левон хочет быть с тобой, в твоем подразделении? Это и мое желание тоже.

Андраник с жалостью посмотрел на своего товарища-гайдука. Он ему верил беспрекословно, хотя и знал, что Аршавир придерживается несколько иных убеждений. Однако встать на защиту несчастного народа и своей многострадальной Родины - это его идея тоже. И ничего больше! Главное, Аршавир предан делу Родины, а там - какие идеи хочет, пусть исповедует. А сейчас он готов родного племянника принести на алтарь Родины. Дорогой человек, ты и свою жизнь посвятил народу.

Он вспомнил Болгарию, свое добровольческое подразделение, своих ребят. Когда они шли на сражение в сторону Узун Гамида, этот самый Аршавир Меликян, Баре, Овнан из Зейтуна - все как один запели "Шуми, Марица!" И с этой песней они пошли в бой четвертого ноября 1912 года.

Пленный Мехмед Явер Ходжали-паша рассвирепел:

18 Слово.

ОБ АВТОРЕ РУССКОГО ПЕРЕВОДА ШОГИК АМИРХАНЯН

Шогик Бабкеновна Амирханян родилась 29 ноября 1942г в Ереване в семье известного юриста Бабкена Хачатуровича Амирханяна. Будучи в семье окруженной музыкантами: старший брат-любимый в стране известный армянский композитор, автор многих лирических и патриотических произведений Роберт Амирханян, младший брат, Хачатур Амирханян - скрипач- альтист Ереванского квартета, сама она выбрала профессию архитектора, став автором ряда проектов учебных и общественных зданий, в том числе Дворца Пионеров в г Кировакане. Училась в Аспирантуре в Москве, по теме Архитектура Центра Свободного Времени, под руководством Г. А. Градова

После Спитакского землетрясения, уже весной 89 -го она оказалась в Спитаке, как сама говорила: не могла усидеть дома, в Ереване, если люди там страдали - предпочтая быть рядом с ними. В 1990 г она стала инициатором создания Детско-Юношеского центра, для детворы Спитака, оставшегося без внимания в разрушенном городе. Организовать Центр ей помогали всем проекто-архитектурным миром Еревана, во главе с председателем Госкомархитектуры Ромео Джулакяном, имея цель воспитать поколение будущих строителей города. В течение всех этих лет осталась неизменным руководителем этой программы, превратившись, как о ней говорят в Спитаке, в светлую радугу, соединяющую Спитак с молодежью в разных концах мира, приносящих сюда свою любовь.

Увлекшись романом АНДРАНИК, гениального армянского писателя-романиста Серо Николаевича Ханзадяна, для нее начался новый, более осознанный период жизни, когда она углубилась в изучение истории своей страны. Затем приняла решение перевести роман на русский язык, глубоко осознав ценность и значение книги для русскочитающей армянской диаспоры, живущей за пределами Армении. Ею двигало одно желание: стать проводником, довести до сведения широкого читателя произведение автора, над которым он целенаправленно трудился более десяти лет, с тем, чтобы раскрыть подлинный образ всенародно любимого героя армянского народа, легендарного полководца АНДРАНИКА, также и приподнять завесу над судьбоносным для армянского народа временем Первой мировой, полным героических проявлений со стороны истинных патриотов, но и ставшим самой трагической страницей Армении, 100-летие которой отмечает в эти дни весь армянский народ.

СЕРО ХАНЗАДЯН

АНДРАНИК

Роман

ՍԵՐՈ ԽԱՆԶԱԴՅԱՆ

ԱՆԴՐԱՆԻԿ

Վեպ

Թարգմանություն՝ *ՇՈՂԻԿ ԱՄԻՐԽԱՆՅԱՆ*

Перевод *ШОГИК АМИРХАНИЯН*

В книге использованы:

*Графическая работа художника
Араката Ханзадяна «Победный марш», триптих.*

*Барельефный портрет «Полководец Андраник»,
автор - скульптор Ованес Манукян*

Редактор: Тереза Барсегян

Дизайнерское оформление книги: Айк Мирзоян

Компьютерная графика: Студия «Матит»

Худ. редактор: Армине Кочарян

Тех. редактор: Армен Авanesян

Примечания: переводчика

ԱՐՄԱՎ

ARMAV

Իրատարակչություն

Ք. Երևան, 16 ք. 18 / 94
հեռ.՝ 34-73-35
Էլ.փոստ՝ armav-hrat@mail.ru

издательство

Г. Ереван, 16 кв. 18 / 94
тел.՝ +374-10-34-73-35
Email: armav-hrat@mail.ru

Տպագրություն՝ օֆսեթ
Չափսը՝ 70x100 1/16
Ծավալը՝ 31.0 տպ. մամուլ
Թուղթը՝ օֆսեթ 70 գ/մ² (1.8)
Տառատեսակը՝ Russian Text Book
Տպաքանակը՝ 400
Տպագրատունը՝ «ԵԳԵԱ» ՍՊԸ
Հասցե՝ ք. Երևան, Հ.Հակոբյան 3

Типография - офсет

Размер - 70x100 1/16

Объем - 31 п.л

Бумага - офсет 70 г. (1.8)

Шрифт - Russian Text Book

Тираж - 400

Напечатано в “ЕГЕА” ООО

Адрес г. Ереван, А.Акобян 3